

1

День не заладился с самого утра: отключили интернет. Когда сонный Матвей перетек из кровати в компьютерное кресло и практически на ощупь прогулялся пальцами по клавиатуре, его ждал сюрприз: нет соединения. Он позвонил провайдеру и услышал ответ:

— Авария на магистральной линии. Вероятно, будет ликвидирована в течение суток.

Матвей тупо смотрел на экран монитора, пытаясь осознать размеры катастрофы. Вот это подстава! Целые сутки без интернета? Все, конец. Отрезан от мира. Отключен от цивилизации. Кошмар! Жуть! Самая кошмарная жуть, которая только могла произойти в понедельник в девять утра. До школы еще уйма времени — целых четыре часа. Можно было бы зарубиться в какой-нибудь шутер с френдами по сети или зависнуть на любимом сервере «Майнкрафт». Конечно, есть еще интернет в телефоне, но это совсем не то. Играть нужно с хорошим изображением и качественным звуком, так, чтобы соседи подсакивали в своих креслах.

Матвей в состоянии вселенской скорби притащился на кухню, забрался на стул у барной стойки, подпер голову руками и горестно вздохнул. Утро было испорчено. Мама же, наоборот,

бодро цокала домашними босоножками — от холодильника к обеденному столу, от стола к плите, от плиты к кофеварке, от кофеварки снова к столу. У Матвея от этого мельтешения зарябило в глазах.

— Хочу сок и тост! — мрачно потребовал он.

Мама мимоходом поцеловала его в макушку:

— Доброе утро, злючка-колючка!

Матвей недовольно дернул головой. Ну что она вечно лезет со своими нежностями? Знает ведь, что он ненавидит все эти муси-пуси. Он же не девчонка, в самом деле.

Мама поставила на стол кофейную чашку с густой молочной пеной.

— Капучино готов! — провозгласила она.

— Уже на подороге, — отозвался из гостиной папа. — Несусь со всех ног.

— Мам, ты слышишь? Сок и тост! — с досадой повторил Матвей.

— Сынок, мне некогда, я папу собираю. Скоро уже выезжать.

— Скоро? У него самолет только через пять часов!

— А пробки? А регистрация? Хватит ворчать, как старый дед. Сделай сок сам, апельсины в холодильнике. А батона вообще нет. Ты же вчера не пошел в магазин, хотя я просила. — Мама открыла микроволновку и вытащила тарелку с дымящимися блинчиками.

— Ну вот здрасьте! — живо возмутился Матвей, обрадованный возможности поскандальить. — А что, кроме меня, никто не может купить батон? Это что, моя прямая обязанность? Я живу тут только для того, чтобы ходить в магазин?

— Не только в магазин, — весело сказал папа, появляясь в кухне. — Но еще и на рынок, в аптеку... Ну и в школу, конечно.

— Смешно, — пробурчал Матвей и отщипнул кусочек от блинчика.

— Может, все-таки позавтракаешь? — спросила мама у папы.

— Да нет, позже, перед выходом. Пока только кофе, — папа взял пульт и включил телевизор.

— В начале октября каждого года жители Земли могут наблюдать метеорный поток Драконида, названный так по созвездию Дракона, в котором находится его радиант, — громко заговорил диктор. — И, если позволит погода, в вечерние часы можно заметить падающие звезды...

— Сынок, — сказала мама, убавляя громкость. — Мы же с тобой вдвоем остаемся. Давай вечером куда-нибудь сходим? В кино, например, или на каток в наш торговый центр? Погуляем вместе, а?

— Я занят, — поспешно сказал Матвей. — Очень много уроков на завтра. И опрос по истории...

Ну что за идеи — хоть стой, хоть падай. Идти в кино с мамой! Что может быть глупее?

У мамы сделалось обиженное лицо, будто она прочитала мысли Матвея. Пришлось согласиться сходить в магазин.

— Как на каторгу, — прокомментировал папа, наблюдая за одевающимся сыном. — Пытка батоном и сосисками.

Матвей подавил тяжелый вздох. И так настроение паршивое, а им всё шуточки. Вышла из строя самая главная вещь

в доме. Без нее жизнь пуста и бесцветна. Можно сказать, утрачен смысл существования на предстоящие сутки. Только кто это может понять? Уж точно не папа с мамой.

По пути из магазина за Матвеем увязался щенок. Смешной такой, мохнатый, похожий на шерстяную варежку. Сколько Матвей его ни гнал, он не отставал. Отбежит немного в сторону, остановится, а потом догоняет: лапы заплетаются друг о дружку, уши шлепают на ветру. Матвей не выдержал, присел возле него, погладил, даже одну сосиску ему скормил. И дальше пошел, а щенок — за ним. Так и добрались до подъезда вместе. У железной двери щенок сел и выжидаяще уставился на Матвея. Как будто говорил: ну хорошо, покормил, поиграл, а дальше?

Матвей потрепал его по голове.

— Ладно, уговорил. Но спорим, через три минуты ты снова окажешься на улице? Засекай!

Он схватил щенка на руки, открыл дверь магнитным ключом и побежал вверх по лестнице.

Щенок так вертелся в руках, пытаясь облизать своему благодетелю лицо, что Матвей нечаянно упустил его в коридоре. Находчивое животное рвануло напрямик в кухню. Мамин вопль, донесшийся оттуда через секунду, свидетельствовал об их неожиданной встрече.

— Матвей!!!

Мама в ужасе выскочила в коридор. Матвей и сам уже был не рад своей выходке, но нужно же держать марку. Так, на всякий случай, чтобы знали.

— Ты в своем уме?! — гневно вскричала мама.

— А что такое? — прикинулся дурачком Матвей.

— Как что такое? Ты о папе подумал?

— О папе, о папе! А обо мне кто-нибудь думает? Я всю жизнь мечтаю о собаке!

— Быстро лови его, пока папа в душе. Сейчас же неси назад.

— Мама! Где справедливость?

— Я сейчас тебе покажу справедливость! Бессовестный!

Лови!

Матвей поднял подбежавшего к нему щенка и прижал к себе. Глаза мамы метали молнии. Редко удавалось так разозлить ее. Обычно она обходилась уговорами и старалась превратить все в шутку.

— Почему я должен страдать из-за папы? Я-то ведь здоров!

— Потому что мы семья! Мы поддерживаем друг друга! Болеет один — страдают все. С аллергией не шутят, дорогой мой. И мне странно, что ты в свои тринадцать лет этого не понимаешь.

— Мне почти четырнадцать.

— Тем более!

Мама вытеснила Матвея со щенком на лестничную площадку.

— Сейчас же отнеси его во двор!

— Он там замерзнет!

— В начале октября? При температуре плюс пятнадцать? Не зли меня, Матвей! Последний раз тебе говорю: мы можем жить либо с собакой, либо с папой. Кого ты выбираешь?

Матвей со щенком под мышкой побрел вниз по лестнице. Пройдя один этаж, он крикнул наверх, просто так, из духа противоречия:

— Все равно нечестно!

— Придешь — вымоешь руки! — донесся до него суровый голос мамы. — С мылом!

Во дворе Матвей отпустил щенка и присел на лавку у подъезда. Щенок покрутился рядом и, отбежав в сторону, стал копаться в опавшей листве. Матвей достал из кармана смартфон и провел пальцем по экрану. Хоть узнать, что сегодня в сети творится. Все, небось, уже там, играют. А он вынужден тут гулять, как последний дурак. Хотя на улице и правда хорошо, солнце припекает совсем по-летнему, будто у осени выходной. Папа сказал, что такая погода продержится всю неделю, и пошутил, что мама слишком рано убрала из прихожей летние туфли и солнечные очки.

С другого конца двора донеслись громкие голоса и гогот. Матвей оторвался от смартфона и поднял голову. В арке появилась какая-то шпана. Трое подростков неопределенного возраста с банками пива и пачками чипсов в руках вошли во двор, огляделись и оккупировали детскую карусель. Бабушка, караулившая внука на детской площадке, мигом выдернула малыша из песочницы и шустро понеслась к своему подъезду. Это вызвало у гопоты новый приступ веселья.

— Бабуська-спринтер! — восхитился щуплый вертлявый подросток в узких тренировочных штанах и низких кедах на босу ногу. Его соратники оценили шутку громким гоготом. Матвей настороженно следил за происходящим, предусмотрительно спрятав смартфон в потайной карман на рукаве куртки.

По тротуару, усыпанному желтыми листьями, манерно вышагивала гламурная фифа на высоких толстых каблуках.

Вертялый, польщенный одобрением товарищей, гнусаво прокричал:

— Эй, принцесса Фиона, дай-ка телефончик! Мамуле в больницу звякнуть.

— Облезешь от счастья, тупой гоблин! — даже не повернувшись в его сторону, отбрила фифа.

— Чё ты сказала, коза? — дернулся тот, порываясь спрыгнуть с карусели. Но другой подросток схватил его за рукав.

— Чё слышал, придурок! — Фифа гордо зашагала дальше. Самый старший, высокий и светловолосый, наклонился к двум остальным и что-то тихо сказал. Выражение его лица и шныряющий по двору взгляд не понравились Матвею, и тот поспешил домой.

Соседку тетю Валью Матвей услышал еще с первого этажа. Она всегда говорила громко, на самой высокой ноте, и когда радовалась, и когда возмущалась, поэтому нельзя было сразу определить, в каком она настроении. Ее визгливый голос разносился по всему подъезду.

— Да это не предрассудки, Полина! — верещала тетя Валя, стоя на их пороге со стаканом муки в руках. — Что ты! Негативная энергетика! Да еще и Марс в Весах! Надо подождать несколько дней...

— Ладно, ладно, тетя Валь, поняла, — нетерпеливо сказала мама, пропуская Матвея в прихожую. — Я пойду, надо собираться, у Саши самолет скоро...

— Самолет?! — истерически взвизгнула соседка, и у Матвея аж скулы свело от ее пронзительного голоса. — Сейчас ни в коем случае нельзя летать! Рождение новой луны — это

опасный период, самое большое количество несчастных случаев приходится как раз...

— Теть Валь! — резко оборвала ее мама. — Хватит уже! Что вы, в самом деле? Все, до свидания.

— Чего она? — спросил Матвей, когда мама закрыла дверь.

— Да вот, за мукой заходила.

— И опять со своими гороскопами?

— А ты можешь себе представить тетю Валью без гороскопов?

— И что у нее сегодня случилось?

— Ой, не знаю, то ли новолуние, то ли безлуние... То ли вообще криволуние. Мне стричься на этой неделе запретила, а папе — в командировку лететь. Плохой период, видите ли, негативная энергия, в общем, куча неприятностей... Да ну ее, вечно наговорит ерунды!

Мама махнула рукой и поспешила на кухню.

«Ерунда или нет, но одна неприятность уже точно есть», — вздохнул Матвей и поплелся в свою комнату к бесполезному сейчас компьютеру.

2

Папа уехал в одиннадцать. Перед этим расчихался, да так сильно, что пришлось принять таблетку, а мама делала Матвею страшные глаза. Интересно, как папа чувствует шерсть? Ведь щенок и двух минут не был в квартире. Папа, конечно, все понял, но не разозлился. Он никогда не злился на Матвея. И всегда все разрешал.

В школу Матвей отправился к третьему уроку. Он принципиально не посещал школьных мероприятий. А сегодня как раз стартовала заключительная неделя школьной спартакиады среди седьмых классов, которая началась еще в сентябре. Третье и четвертое место уже присудили седьмому «Г» и седьмому «В», и теперь за титул чемпиона боролись седьмые «А» и «Б». Вместо двух первых уроков в спортзале проходил баскетбольный матч между командами девочек. Ну а мальчики сидели на скамейках для болельщиков, поддерживали свои команды. Но Матвей не считал это событие достойным внимания и не собирался тратить на него время. Он искренне не понимал, зачем вообще выяснять, кто кому может забить лишний гол. Или кто победит в конкурсе танцев, например, или займет на городской олимпиаде какие-то там места. Что, жить от этого легче, что ли?

К школе Матвей относился как к неизбежному злу. На уроки ходил, задания делал. Почти всегда. Ну, во всяком случае, когда точно знал, что спросят. Но кружки, концерты, школьные спектакли, походы в кино и остальное, на что была способна неумемная фантазия их молодого классного руководителя, — все это Матвей стойко игнорировал. Они с Олегом Денисовичем давно не понимали друг друга, еще с пятого класса. Классный злился, что Матвей выбивается из общей массы, а поделаться ничего не мог. Внешкольная деятельность — дело добровольное, это Матвей четко знал. Правда, Олег Денисович уже третий год все никак не мог успокоиться. И фамилия у него была подходящая, прямо в точку: Докучаев. В минуты сильного раздражения Матвей называл его Достоваев. Ну, конечно, только когда учитель не мог этого слышать.

Звонок с урока уже прозвенел, и в школе царил обычная суматоха. В вестибюле гонялись друг за другом вечно веселые первоклашки из продленки, кидались сменкой и хлестали друг друга куртками ребята постарше. Охранник, дядька пенсионного возраста, тоскливо зевал за своим столом возле расписания уроков. Непонятно, что входило в его обязанности, потому что его не волновали ни дисциплина в вестибюле, ни кражи в раздевалке, ни пропуска учеников, которые нужно было проверять, ни взрослые посетители, которых следовало бы останавливать и записывать в специальную тетрадь.

Матвей, не отрывая взгляда от смартфона, прошел через турникет и прямо в куртке и уличной обуви направился к лестнице левого крыла, ведущей на второй этаж. Охранник, не удостоив его даже взглядом, сладко потянулся и вновь склонился над кроссвордом.

Неприятности, начавшиеся утром, продолжались с невероятным упорством. В коридоре, не успев Матвей пройти и пяти метров, на него налетел одноклассник Венья Ватрушкин. Да ладно бы просто налетел, а то ведь вылил на его штанину чай из пластикового стаканчика. И чего, спрашивается, ему не сиделось в столовой?

Матвей отскочил от него, дрыгая ногой.

— Ватрушкин, блин! Олень!

— Ой, прости! — пробормотал Венья, уставившись в пустой стаканчик.

Венью Ватрушкина знали все, и не только параллель седьмых классов. Он был школьной легендой. Неудачи сыпались на него одна за другой. Невысокий и шуплый, Ватрушкин был ужасно неуклюжим. Он постоянно падал, разбивал локти и колени,

ломал пальцы, один раз даже вывихнул челюсть. Вокруг него всегда все рушилось, шлепалось, разбивалось и разливалось. Одноклассники старались обходить его стороной. Он понимал это и не особенно набивался в друзья. Веня к тому же был настолько рассеянным, что постоянно выучивал не то стихотворение, решал не ту задачу, а на контрольной у него обязательно заканчивались чернила в ручке или терялся карандаш. И несчастный Ватрушкин сидел до конца урока, стесняясь попросить запасную ручку.

Сегодня он выглядел особенно колоритно: светлые вихры были всклокочены, оправка очков перекошена, стекла треснули, бровь скрылась под огромным куском пластыря. В ушах сидели наушники. Впрочем, они всегда там сидели. Никто не представлял себе Ватрушкина без наушников.

— Чего «ой»? Глаза дома забыл? Или ты как летучая мышь: уши перекрыл — и в пространстве не ориентируешься? Меломан, тоже мне! — негодовал Матвей.

— Я... я нечаянно, я не хотел, — виновато забубнил Веня, выдергивая один наушник из уха.

— Да мне плевать, хотел ты или не хотел! Как я теперь мокрый буду?

— Извини, пожалуйста...

По коридору с радостными воплями неслись Белкин и Чернышов, два друга, два попугая-неразлучника. Доскакав до Ватрушкина, они бросились его обнимать, хлопать по плечам и трясти ему руку.

— Ватрушкин, друг! Спасибо тебе! От всей нашей команды! Огромное человеческое спасибо! — восторженно завопили они наперебой.

Веня растерянно моргал, не понимая, за что его благодарят, и несмело улыбался. Матвей вытирал мокрую штанину бумажной салфеткой, предложенной Ватрушкиным, и скептически наблюдал за бурной сценой.

— Если бы не ты, нам бы всем крышка! Мы бы точнояк продули!

— Все-таки мы их сделали! Этих противных «ашек»! Молодчага, что не пришел болеть за наших девчонок.

— Двадцать один восемнадцать! В нашу пользу! Ватрушкин, ты лучше всю неделю не приходи. Дай нам финал выиграть. Без тебя мы чемпионами станем!

Белкин и Чернышов с искренним восторгом тискали Веню, тот беззлобно отбивался от них. Матвей скомкал в руке салфетку и, презрительно усмехнувшись, направился к кабинету геометрии.

В классе кипели страсти. Никому не сиделось на месте. Все гадали, смакуя подробности судьбоносного баскетбольного матча. Матвей кинул сумку на свою парту, не снимая куртки сел на стул и вновь углубился в смартфон.

Ну как можно всерьез радоваться какой-то мелкой школьной победе? Кому она вообще нужна? От нее ни жарко ни холодно. А эти визжат, скачут с горящими глазами. А проиграли бы — в классе был бы траур. Как дети, в самом деле!

В класс влетел Олег Денисович. Он никогда не ходил по школе, он бегал. И вообще на учителя, а тем более на классного руководителя, не был похож. Ну, разве что на практиканта из пединститута.

Но тем не менее Олег Денисович Докучаев работал в школе учителем музыки, играл на аккордеоне, фортепьяно и гитаре,

вел вокал и хореографию у младших классов, руководил драматическим кружком у старших, организовывал все мероприятия в школе и еще умудрялся подрабатывать на стороне. Говорили, что он ведет свадьбы, банкеты и корпоративы. Матвей недоумевал, когда он все успевает и зачем ему это нужно. Ехал бы себе в Москву и искал бы применение своим талантам там. А не мучил бы здесь своими дурацкими выдумками ни в чем не повинных людей.

Увидев обожаемого учителя, класс ринулся к нему и окружил плотным кольцом.

— Как мы их, а, Олег Денисыч? Вы видели, вы видели? — возбужденно закричали семиклассники, дергая его за руки. Каждый старался развернуть классного к себе. — Олег Денисыч, мы их просто порвали сегодня! Победа! Ура! Это вам подарок на День учителя!

— Отличный подарок, спасибо! Молодцы, девчонки! Так держать! Павел Анатольевич ставит пятерки по физкультуре всем, кто участвовал в матче, — стараясь их перекричать, провозгласил Олег Денисович. — А я что вам говорил?

Он рывком выбросил правую руку вверх и выкрикнул:

— Наш седьмой «Б»...

Двадцать пять рук взметнулись в едином порыве, и двадцать пять звонких голосов с готовностью проорали:

— Самый активный!

— Наш седьмой «Б»...

— Самый спортивный!

— Наш седьмой «Б»...

— Самый реактивный, инициативный и суперкреативный!

— И мегадефективный, — процедил сквозь зубы Матвей.

Выговорив четко и без запинки свою речовку-скороговорку, семиклассники радостно заплодировали сами себе. Матвей в изнеможении закатил глаза к потолку: цирк!

— Ну что, финальную неделю открыли удачно, — сказал Олег Денисович. — Я надеюсь, что ваш боевой дух не угаснет. В четверг и в субботу мы покажем такие же отличные результаты. Я в вас верю!

Класс снова заплодировал.

— А теперь объявление. Нам предложили билеты в Театр юного зрителя, в следующее воскресенье, восемнадцатого октября. Для особо внимательных, Быстров и Мамаева, повторяю: не в это воскресенье, а в следующее! Записываться у меня. Надеюсь, что желающих будет, как всегда, много и мы с вами интересно и весело проведем выходной.

— А какой спектакль, Олег Денисыч? — выкрикнули из толпы.

— Это современная постановка нашего городского театра, премьеры спектакля. А называется он «Тридцать три несчастья».

— А нам такой спектакль не нужен! — выкрикнул Чернышов. — У нас есть Ватрушкин!

Класс покотился со смеху. Олег Денисович нашел взглядом Веню.

— Да, кстати. Ватрушкин! Почему тебя сегодня не было?

— Олег Денисыч, не ругайте его, — кинулись на защиту Вени ребята. — Мы поэтому и победили. Надо его к «ашкам» в класс подсылать, болельщиком. Тогда мы постоянно выигрывать будем.

Олег Денисович за руку вытянул Веню из толпы и наклонился, разглядывая его лицо.

— Ватрушкин! Горе мое! Что с тобой опять приключилось?

Веня, смущенный всеобщим вниманием, еле слышно прошептал:

— Я это... стукнулся. Лоб разбил... Зашивать ездили...

— Обо что ж ты стукнулся? Обо что можно так стукнуться, чтобы пришлось ехать зашивать? — поинтересовался Олег Денисович.

Класс затих в ожидании ответа. Веня в полной тишине застенчиво проговорил:

— Об автобус...

Класс взорвался дружным хохотом. Олег Денисович, смеясь, обнял Веню за плечи:

— Ну, дружище ты мой! Это прогресс! Двери, окна, витрины — пройденный этап. Ты уже на автобусы перешел? Таранишь их головой?

Громко затрещал звонок на урок.

— Ну все, потом поговорим, — спохватился классный руководитель. — Быстро все по местам, и ныряем в геометрию. Попробуйте только троек нахватать за самостоятельную!

Семиклассники нехотя разбрелись по своим местам. Взгляд Олега Денисовича остановился на Матвее.

— Добровольский! — гаркнул учитель.

Матвей вздрогнул и поднял голову.

— Почему в классе в верхней одежде? По-моему, в школе уже тепло. Для чего у нас раздевалка?

— Не пойду я в раздевалку.

— Почему? Ты у нас особенный?

— Там вешалки рвут и одежду пачкают. А у меня куртка новая, дорогая, — с вызовом проговорил Матвей. — Я ее лучше в пакет уберу.

— Почему тебя снова не было на школьном мероприятии? — строго спросил Олег Денисович. Матвей упрямо промолчал, глядя в парту. Почему, почему? Да все потому же. Не хочет он. Не ходил и не будет ходить, хоть режьте, хоть к директору вызывайте, хоть двойки ставьте. А заставлять не имеете права.

— Знаешь что, Добровольский? Зайди ко мне после шестого урока, — сказал Олег Денисович. — Разговор созрел.

Он вышел из класса, столкнувшись в дверях с Алиной Васильевной, математичкой. Матвей нехотя встал с места и принялся стягивать куртку.

3

После уроков Матвей поднялся на третий этаж правого крыла и осторожно просунул голову в дверь кабинета музыки. Олег Денисович сидел за своим столом и что-то писал в журнал.

— Заходи, Добровольский, — позвал он, заметив ученика.

Хмурый Матвей вошел и остановился напротив стола, напряженно обхватив руками сумку.

— Садись, — предложил учитель.

Матвей остался стоять, всем своим видом выражая протест.

— Как зовут твоего лучшего друга? — неожиданно спросил Олег Денисович.